

Текст · 28 марта 2019, 07:44

Никита Сологуб,

«Вы видели вообще повешенных людей?». Сестра погибшего в СИЗО арестанта из Нижнего Тагила пытается выяснить обстоятельства его смерти

Праздники

Виктор жил вместе с мамой. Последний раз она видела его 5 марта. Пришла с работы, он пришел тоже с работы, мама его отправила в магазин — магазин находится рядом с домом. И все — около шести часов вечера он пошел и больше не вернулся. Мы звонили всем: друзьям, знакомым — нигде его не было. Около девяти часов вечера он позвонил сам, очень быстро: «Мама, отдай мой паспорт, меня задержали, 16-й отдел». И все, связь оборвалась.

В то же время маме в дверь стал стучаться сотрудник полиции: «Я по поводу вашего сына, вы не переживайте, его задержали буквально, может быть, на 48 часов». В тот вечер она была одна, сильно плакала — он у нее кормилец, она была, естественно, напугана, престарелая мать. Этот полицейский стал задавать ей какие-то вопросы, что-то спрашивать: «Живете вместе? Живете вдвоем?» — что-то наводящее, а потом дал на подпись. Расписалась она, не читая — у нас сейчас большие сомнения в том, что там вообще было написано.

На следующий день мы пошли в 16-й отдел полиции, в дежурную часть, разыскивать его. Нам сказали,

что его там нет — отправили в другие отделения полиции. Нигде его не было. Нам все говорили: «Мы не знаем, где он находится». При этом полицейские нам говорили, что у него будет право на телефонный звонок. Но не было этого звонка, не было.

7 марта я начала уже конкретно тревожиться — мы не понимали, что произошло, за что его задержали, по какой статье. Я стала обзванивать все дежурные части, через 02 узнавать — где находится такой-то человек, почему он был задержан. На это мне рекомендовали в СИЗО №3 звонить. Где-то в десять утра мы дозвонились до них, они ответили, что он находится там. В ходе выяснения, как можно сделать посылку, передачку, одна сотрудница сболтнула, что у него III-я статья (причинение тяжких телесных повреждений), а у следовательницы фамилия Помазкина.

Я стала точно так же через дежурную часть пытаться выяснить номер кабинета следователя хотя бы. Мне отвечают, что посещение возможно только по предварительной записи. Когда я уже начала говорить, что я буду жаловаться в прокуратуру, потому что мы не понимаем, куда вы увезли человека, кто это, вообще, сделал — полицейские или кто-то еще — меня все же соединили с кабинетом Помазкиной. До нее я не могла дозвониться в течение часа. В дежурной части мне поясняли, что это предпраздничный день, что она находится на поздравлении.

Наконец, когда я все же дозвонилась, она очень странно ответила: «Я вам никакую информацию давать не буду, при опросе он не указал, что у него есть

родственники». Я говорю: «Вы хотя бы подтвердите мне статью, это III-я? — Да, III, часть 2. — Поясните более подробно, когда я могу с вами встретиться?». Она говорит: «Я с вами встречаться не буду, встречусь только с матерью после праздников».

8 марта в восемь утра мы поехали в СИЗО. Оформили документы на передачку. Написали ему письмо — держись, не переживай. К нам вышла сотрудница изолятора и пригласила в дежурную часть СИЗО. Там нам сказали, что накануне его нашли повешенным в одиночной камере. Сотрудники изолятора начали сбивчиво объяснять подробности произошедшего, говоря при этом, что они «не досмотрели». Было сказано, что при поступлении в СИЗО Виктор проходил психологические тесты, результаты которых показали, что он находится в подавленном и депрессивном состоянии, наблюдается боязнь замкнутых пространств и панические атаки.

Сотрудники пояснили, что две девушки, операторы видеонаблюдения, в этот момент менялись, ушли по своим делам, а, вернувшись, ничего не заметили. Также выяснилось, что именно его камера, в которой он содержался, входит в «слепое пятно» — именно эту камеру не снимают камеры наблюдения. Как выяснилось, тело уже было отправлено в судебный морг Нижнего Тагила для проведения экспертизы на неопределенный срок, о чем нам не было сообщено ни следователем, ни сотрудниками СИЗО. Зачем-то нам задавались вопросы, не было ли у Виктора хронических заболеваний. Какие-либо бумаги нам показывать отказались.

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

Будни

Стало понятно, что в праздники мы ничего не выясним. В понедельник, 11 числа, в первый рабочий день, мы начинаем все эти движения. Мы попали на личную встречу к начальнику СИЗО. Он нам пояснил, что вообще брат в камере не один содержался.

Я говорю: «Подождите, мне же ваши сотрудники сказали, что он находился в одиночной, что его статья якобы не позволяет ему содержаться с другими». Но начальник сказал, что тот был с двумя мужиками, причем те нормально себя вели — на камере было видно, что они всю ночь болтают, пьют чай. А потом, днем, их куда-то вывели — то ли на карантин, то ли что — и вдруг за это время, за час-полтора, он решает покончить с собой. При этом якобы видно было, как он надевает на себя удавку, но когда вешается, почему-то на камеры не попадает.

Запись эту он мне показать отказался. Тогда мы попросили показать постановление, на основании которого его заключили под стражу. Начальник СИЗО нашел его, быстро прочитал, не целиком — там только лишь говорилось, что мой брат якобы нанес удар канцелярским ножом в тазобедренную часть, ниже ягодиц, некоему человеку с фамилией Ларионов, причем сам этот Ларионов не писал заявление, а свидетелем произошедшего якобы была его супруга. Я попросила сделать копию постановления, он сначала согласился, но потом вернулся и сказал, что не может, что может только прочитать.

Потом я приехала к следователю. Она пояснила, что на видео с камеры наблюдения видно, как брат

надевает удавку. Она пообещала показать запись, но в тот день сказала, что там файл не открывается, что его якобы нужно как-то обработать, а меня потом пригласят. Когда я стала просить, чтобы она сказала, в чем моего брата обвиняют, она стала кричать, что он рецидивист, что совершил тяжкое преступление. Потом мы стали просить осмотреть тело до вскрытия. Она с безумной неохотой согласилась. В тот же день мы приехали в морг.

Я не смогла найти в себе силы осмотреть — вместо меня пошел муж, он сделал фотографии. Санитар нервничал, задавал вопросы: «Вы видели вообще повешенных людей?». Муж пошел и сделал фотографии, на теле оказались разные повреждения: на правой руке у него был след от укола с кровавой корочкой, будто кровь взяли, тыльная сторона руки, ближе к мизинцу, была содрана, в крови, как при падении на асфальт, на правой руке тоже кровь; с правой стороны от бока лба шел к уху такой небольшой кровоподтек, как гематома; на теле просто ссадины небольшие, на ноге, на животе; два ногтя на правой руке ободраны, сломаны ногти. Но больше всего меня смутило, что выглядел труп не так, как выглядят повешенные — у него не были деформированы глаза, у него не торчал язык, у него не было одутловатости лица, оно не было синим; руки у него не были синими, не затекли.

Из документов сейчас у нас только справка о смерти и больше ничего. Мне ничего не выдают — даже постановление суда о заключении под стражу на два месяца. Несколько дней назад я ходила в суд, который заключил его под стражу. Сначала

помощник судьи сказала написать заявление, пообещала выдать постановление. Но буквально пять минут прошло, она перезвонил и сказала, что не выдадут — якобы судья [Илья] Григорьев запретил выдать постановление, якобы потому что сейчас идет расследование, поэтому никакие документы не выдаются. Человек умер, а вообще никакого документа — уже почти месяц прошел — кроме справки о смерти нет (в ней причиной смерти названо «преднамеренное самоповреждение путем повешения» — МЗ). Видеозапись я пытаюсь получить с 11 числа, но я не могу попасть в СК, потому что мне все время говорят, что следователя на месте нет. Я просила продемонстрировать мне хотя бы клочок одеяла, на котором он повесился, но мне сказали, что и этого нельзя.

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

Комментарии

Когда мы стали обращаться в СМИ, от правоохранительных органов пошли очень странные комментарии — про то, что он рецидивист с тремя судимостями, про что, что его не отправили под домашний арест якобы потому, что кто-то из родственников выступил против. Но никого из родственников на суде не было и быть не могло — 7-го числа мы еще не смогли его разыскать. Судим он у нас был только один раз, ему дали три года по статье за наркотики — там была нелепая история, ехала полная машина ребят, они вместе приобрели это вещество, но арестовали только его. Я, может, сейчас какой-то паранойей занимаюсь, но, может быть, все это связано, его судимость и то, что с ним произошло

сейчас? Потому что все случилось настолько быстро, за максимально короткий срок, и нас, родных, когда мы разыскивали его, так запутывали, не давали даже возможности, даже одной попытки позвонить.

Со дня гибели Виктора Мельника — 7 марта — новости о его смерти на сайтах СК и ФСИН так и не появилось. Уральские СМИ отреагировали на случившееся в нижнетагильском СИЗО лишь после того, как сестра погибшего Ульяна Гончарова отправила на электронную почту местных изданий письмо с просьбой обратить внимание на его смерть. 20 марта на сайте «Все новости» [вышла](#) заметка с заголовком «"Он не хотел умирать": тагильчанин совершил суицид в СИЗО. Его сестра уверена, что на него давили полицейские». В заметке со слов Гончаровой излагалась хронология поисков Мельника его родственниками и приводились комментарии замруководителя следственного отдела по Ленинскому району Нижнего Тагила Сергея Соседкова и начальника пресс-службы ГУ ФСИН по Свердловской области Александра Левченко — первый с уверенностью говорил о суициде, второй уточнял, что Мельник — «трижды судимый гражданин», которому «в качестве меры пресечения был избран домашний арест, однако родственники были против этого».

Через несколько минут после этой публикации новость о гибели Мельника [появилась](#) на *Znak.com* с заголовком «В свердловском СИЗО покончил с собой арестант». В ней приводился комментарий того же Левченко: «Если говорить прямо —

это чистый суицид. Сейчас эту тему зачем-то пытаются поднимать родственники. Но они не говорят о том, что один из них во время слушаний по мере пресечения в суде был против того, чтобы данного человека поместили под домашний арест». Еще через час аналогичная заметка, теперь с заголовком «На Урале в СИЗО покончил с собой рецидивист, от которого отказались родственники», была [опубликована](#) агентством *Ura.Ru* — в очередном комментарии Левченко снова называл случившееся суицидом и подчеркивал, что в СИЗО мужчина оказался, поскольку «родственники отказались его принять и предпочли, чтобы мужчина оставался за решеткой». Автор заметки уточнял: «Как стало известно, Виктор Мельник ранее был трижды судим, в том числе за торговлю наркотиками».

Наконец, на следующий день заметку под заголовком «26-летний тагильчанин совершил суицид в СИЗО» [опубликовало](#) агентство «Новый город». Издание цитировало комментарии Левченко и вспоминало гибель скончавшегося в отделе полиции № 17 [Станислава Головки](#), когда «[в результате] ничем не подтвержденных и ничем не обоснованных заявлений его сестры были совершенно несправедливо осуждены трое нижнетагильских оперативников из отделения полиции» (по версии следствия, осенью 2017-го года оперативники избили Головку, требуя признания в краже, после чего тот скончался от полученных травм; полицейские [получили](#) различные сроки до трех с половиной лет лишения свободы). «Возникает ощущение, что

суицид Виктора Мельника какой-то неведомый кукловод пытается раскрутить точно по такому же сценарию с целью очернения и развала работы нижнетагильской полиции», — высказывал опасения автор «Нового города».

Брат жил с мамой, у него была работа — он работал установщиком наружной рекламы, и буквально 6 марта должен был выйти на работу в другую компанию — он копил деньги на собственное жилье, чтобы жить там со своей девушкой. Никаких злоупотреблений алкоголем, наркотиками у него не было, только эта старая история с нелепым сроком. Он у нас был самый драгоценный, близкий и любимый человек, наш родственник. Поэтому, когда мы читаем СМИ, у нас волосы дыбом встают — чтобы мы от него отвернулись, потому что с ним какая-то непонятная нам абсолютно история приключилась? Ну такое не могло просто случиться. Мы за ним в огонь и воду, и он точно так же. Он знал, что он для нас очень важен, что нам дорог. Не хватит слов описать нашу утрату, нашу боль и разочарование от правоохранительных органов.

Если бы он был таким, каким подают его СМИ, мы бы, наверное, смирились бы тихонечко с нашей утратой, сидели бы и рыдали над его могилой. Но нам не дают этого сделать. Он горячо любимый сын. Он в какой-то момент заменил мне отца моих детей, который погиб в аварии. Он был опорой для нас, и даже когда отбывал срок, мы друг друга сильно поддерживали. У него были планы, и у него были мечты. Если бы он был трижды судимым рецидивистом, от которого отказываются родственники, стали бы мы просить

у общественности помощи, обращаться в поисках справедливости и правды, если бы он был таким человеком? Точно бы нет.

«Медиазона» обнаружила на сайтах судов Нижнего Тагила лишь два приговора в отношении человека с такой же фамилией и инициалами, что и у погибшего. 8 октября 2013 года его осудили в Тагилстроевском суде Нижнего Тагила по части 2 статьи 228 за хранение 0,8 грамма синтетического каннабиноида и назначили наказание в виде 50 тысяч рублей штрафа. В мае 2014 года тот же суд признал его виновным в хранении 2,8 грамма запрещенного вещества, название которого было вырезано из приговора. Ему назначили наказание в виде 3,5 лет колонии строгого режима.

Редактор: Дмитрий Ткачев